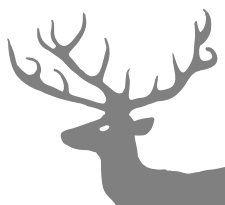

> МАГИСТРАЛЬ >

IMAGINARY
FRIEND

СТИВЕН ЧБОСКИ

Воображаемый друг

Москва
2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ч-32

Stephen Chbosky
IMAGINARY FRIEND
Copyright © 2018 Stephen Chbosky

Перевод *Елены Петровой*

Под редакцией *Зинаиды Смоленской*

Оформление серии *Натальи Портяной*

Чбоски, Стивен.

Ч-32 **Воображаемый друг / Стивен Чбоски ; [перевод с английского Е. С. Петровой, под редакцией З. Смоленской]. — Москва : Эксмо, 2022. — 736 с. — (Магистраль. Главный тренд).**

ISBN 978-5-04-173115-1

В новом городе, в новой школе Кристофер не одинок: он слышит голос друга. Славный человек увлекает его за собой в Лес Миссии, где в преддверии Рождества мальчику предстоит построить домик на дереве и открыть вход в воображаемый мир.

Кто же он — человек или монстр? Бог или дьявол?

«Воображаемый друг» — долгожданный роман от создателя мирового бестселлера «Хорошо быть тихоней».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Петрова Е. С., перевод на русский язык,
2022

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-173115-1

*Посвящается Лиз
и матерям повсюду*

Благодарности

По поводу всех, кто перечислен ниже, могу только сказать, что без них не было бы этой книги. Вот те люди, которым я сердечно благодарен:

Лиз, Мэкси и Тео Чбоски
Уэс Миллер
Карен Коштолник
Бен Севьер
Эмад Ахтар
Лурия Риттенберг
Лора Джорстад
Лора Черкас
Эрик Смирнофф
Джефф Горин
Лора Боннер
Келси Николь Скотт
Ава Деллейфа
Рэнди Луденски
Джилл Блотвогел
Робби Томпсон
Стейси, Джон и Дрю Даудл
Фред и Леа Чбоски

И наконец...

Эмма Уотсон — ею навеян финал, еще в пору съемок фильма «Хорошо быть тихоней»,
а также *Стивен Кинг* — им навеяно все остальное.

50 лет назад...

Не сходи с асфальта. Они тебя не тронут, если не сойдешь с асфальта.

Малыш Дэвид Олсон понимал, что ему влетит. Как только мать с отцом вернулись, стало ясно, что дело плохо. Одна надежда была на подушку, которую он запихнул под одеяло — вроде как сам в кровати лежит. По телику такое видел. Ну не важно. Короче, выскользнул он из своей комнаты, спустился по ветке плюща, неловко приземлился и ушиб ногу. Но не сильно. Не так, как старший брат на тренировке по футболу. Терпимо еще.

Заковылял по Хейз-роуд. В лицо дышала сырость. Вниз по склону полз туман. Малыш Дэвид Олсон задрал голову: в небе висела луна. Полная луна. Вторую ночь подряд — полнолуние. Это называется «голубая луна». Ему старший брат объяснил. Есть такая песня, под которую иногда танцевали мама с папой. Когда еще жили счастливо. Пока Дэвид их не напугал.

*Голубая луна,
Ты стояла одна...*

В кустах послышался шорох. На мгновение малыш Дэвид Олсон подумал, что это, наверно, все тот же сон. Но нет. Понятное дело — нет. Он ведь изо всех сил боролся со сном. Хотя голова раскалывалась от боли. Ему во что бы то ни стало требовалось добраться до места именно сегодня вечером.

Его нагонял старый «Форд Мустанг», рассекая туман светом фар и грохотом рок-н-ролла; малыш Дэвид Олсон спрятался за столбик с почтовым ящиком. В автомобиле ржали двое парней. Во время призыва парни сплошь и рядом са-дятся за руль пьяными. По крайней мере, так отец говорил.

— Дэвид? — шепнул незнакомый голос. Ш-ш-шепнул. Ш-ш-ш.

Кто же его окликнул? Или померещилось?

— Эй, кто тут? — спросил Дэвид.

Молчание.

Не иначе как в голове зашумело. Это еще куда ни шло. А ведь могла оказаться шептунья. Не заснул на ходу — и на том спасибо.

Или заснул?

Дэвид посмотрел с горки вниз: у поворота на Монтерей-драйв светил здоровенный уличный фонарь. И мимо как раз проезжали те парни, увозя с собой все звуки. Тут Дэвид заметил чью-то тень. В лужице света остановился пешеход. Ждал и насвистывал. Насвистывал и ждал. А мотив звучал почти как

«Голубая луна».

У Дэвида на затылке волосы встали дыбом.

На углу тебе делать нечего.

Держись подальше от этого типа.

Чтобы сократить путь, малыш Дэвид Олсон пробирался задворками.

На цыпочках подошел к старой изгороди. *Смотри, чтобы тебя не услышали. И не увидели. Ты сошел с асфальта. Это опасно.* Подняв голову, он заглянул в окно, где молоденькая нянька обнималась со своим дружком — будто не слышала, как ребенок заходится плачем. Вот только плач смахивал на мяуканье. Дэвид по-прежнему был уверен, что это не сон, но поделиться ни с кем не мог — с каждым шагом такая возможность таяла. Он прополз под изгородью; пижамные штаны облепила мокрая трава. Ясное дело, от мамы этого не скроешь. Придется самому простирнуть. Ну да ладно, ему не привыкать — в последнее время он снова начал по ночам писаться в кровати. И каждое утро застирывал простыню. Не мог он допустить, чтобы мама узнала. Она станет вопросы задавать. А он и ответить не сумеет.

Вслух — точно не сумеет.

Он двинулся дальше, через рожицу за домом семейства Марука. Мимо качелей, которые смастерил мистер Марука с сыновьями. После трудового дня каждого из мальчишек всегда ожидало два кругляша печенья «Орео» и стакан молока. Малыш Дэвид Олсон пару раз приходил им помогать. Какое объединенье это «Орео». Особенно когда в молоко макаешь.

— Дэвид?

Шепот сделался громче. Дэвид оглянулся. Никого. Вгляделся туда, где заканчивались строения, — в темноту, рассеченную фонарем. Человечья тень исчезла. Да и самого пешехода след простыл. А вдруг он тут, за спиной? *Ох, только бы не эта шептунья. Только бы не провалиться в сон.*

Хрюсь.

Сзади треснула сухая ветка. Забыв об ушибленной ноге, Дэвид бросился наутек. Через лужайку Прузансов — на Кармелл-драйв, оттуда налево. За спиной хрипели псы. Подбирались все ближе. Но никаких псов не было. Одни звуки. Как сны. Как плач младенца-котенка. Погоня не прекращалась. Он прибавил ходу. Башмаки шлепали по мокрому тротуару. Шмяк-шмяк-шмяк — ни дать ни взять мокрые старушечьи поцелуи.

Добравшись наконец-то до Монтерей-драйв, он свернул направо. И двинулся по самой середине дороги. Как плот по реке. *Не ходи с асфальта. Тебя не тронут, если не свернешь с асфальта.* С обеих сторон доносились шумы. Тихое шипенье. И собачий хрип. И чавканье. И котята. И эти шепотки.

— Дэвид... Сверни с асфальта. Тебя машина собьет. Иди по травке, там безопасно.

Это был голос шептуньи. Дэвид его узнал. Поначалу голос у нее всегда приятный. Как у старательной учительницы, присланной на замену. А взглядишься — от приятности не останется и следа. Одни зубы да шипящая пасть. Жуткая, как злая ведьма. Страшней не бывает. То на четырех ногах, будто собака. То с длинной, как у жирафы, шей. Х-с-с-с.

— Дэвид... Мама поранила ноги. Ступни в кровь изрезаны. Иди-ка сюда, помоги мне.

Шептунья заговорила маминым голосом. Так нечестно. А ей хоть бы хны. Она даже умела напускать на себя мамин вид. Один раз это подействовало. И Дэвид свернул с асфальта. А там, на траве, она с легкостью его заграбастала. После этого он двое суток маялся без сна. Она утащила его в дом с подвалом. И с печью.

— Помоги маме, негодник.

Это уже было сказано голосом бабушки. Но не самой бабушкой. Дэвид кожей чувствовал белые зубы шептуньи. *На зубы не смотри. Смотри вперед. Беги. Прячься в тупике. Ты сможешь сделать так, чтобы она исчезла навсегда. Доберись до последнего фонаря.*

— Х-с-сссссс.

Дэвид Олсон посмотрел вперед — туда, где в тупике горел последний фонарь. И прирос к месту.

Человек-тень вернулся. Стоял себе в лужице света. Ждал и насвистывал. Насвистывал и ждал. Сон, не сон — дело принимало скверный оборот. Но останавливаться было поздно. Дэвид сам принял решение. Чтобы добраться до места встречи, ему предстояло пройти мимо этого субъекта, прилипшего к фонарному столбу.

— Шшш-и-и-иссссссс.

Шептунья приближалась. Сзади. Дэвиду Олсону вдруг стало холодно. Пижама отсырела. Даже под пальтишком. Идти вперед. Больше ничего не оставалось. Быть храбрым, как старший брат. Быть храбрым, как те парни-призывники. Быть храбрым и двигаться только вперед. Один шагок. Второй.

— Эй? — окликнул малыш Дэвид Олсон.

Фигура не ответила. Фигура не шелохнулась. Просто делала вдох-выдох, а из этого дыхания получались

Облака.

— Эй? Ты кто? — спросил Дэвид.

Тишина. Мир задержал дыхание. Один башмачок малыша Дэвида Олсона коснулся светового круга. Фигура заерзала.

— Извините, мне пройти надо. Можно?

И опять тишина. Дэвид продвинул ступню чуть дальше. Незнакомец начал оборачиваться. Дэвиду подумалось: не вернуться ли домой? Но сперва требовалось закончить

дело. Иначе шептунью не остановишь. Теперь его ступня целиком оказалась в лужице света. Фигура опять заворочалась. Как просыпающийся истукан. Вслед за ступней — вся нога. Истукан поворачивался. Не выдержав, Дэвид шагнул на свет. Фигура бросилась к нему. Стонала. Тянула руку. Дэвид перебежал через световой круг. Фигура неслась позади. Чмокала. Вопила. Длинные ногти уже касались спины, пальцы так и норовили вцепиться ему в волосы, и тут Дэвид по-бейсбольному скользнул на твердое дорожное покрытие. Порвал штаны на коленке, но об этом думать не приходилось. Главное — он выбежал за пределы светового пятна. Фигура замерла. Дэвид был уже в конце улицы. Где тупик с бревенчатым домиком, куда вселилась парочка молодоженов.

Малыш Дэвид Олсон старался не терять из виду обочину. Ночь выдалась безмолвной. Лишь где-то поблизости стрекотал сверчок. Ведущая к деревьям тропинка белела от небольшого клочка тумана. Дэвида охватил ужас, но останавливаться было поздно. Это ведь его решение. Нужно довести дело до конца, а иначе на шептунью не будет управы. И первым погибнет его брат.

Сойдя с проезжей части, малыш Дэвид Олсон зашагал дальше. Вдоль забора.

Через луг.

И в Лес Миссии.